

КСЕНИЯ МЯЛО

В КОЛЬЦЕ ВРЕМЕНИ

Под знаком “чёрного июня”

“Мы ведь не выходили из СССР, так разве Россия, называющая себя его правопреемницей, не наследует также и ответственность за сохранивших верность своей исторической родине людей?” С этого вопроса, адресованного, конечно же, не мне, начинается моя встреча с Президентом ПМР И. Н. Смирновым. Мы беседуем всего несколько дней спустя после того, как Приднестровье отметило очередную годовщину бендерской трагедии 1992 года, и под знаком вопроса о такой ответственности непризнанная – всё ещё непризнанная! – республика жила протекшие с тех пор 17 лет. И даже больше – со дня своего появления на свет 2 сентября 1990 года, всё это время ожидая ответа от Москвы. Но Москва уже давно на протяжении ряда лет – по сути, на протяжении большей части путинского президентского срока – траурную дату старается не замечать. Раньше всё-таки приезжали корреспонденты центрального телевидения, показывали хронику событий “чёрного июня”, а потом опустилась завеса молчания. Так случилось и в нынешнем году, уже при Медведеве; но на сей раз особый тон этому молчанию придал состоявшийся практически в те же поминальные дни визит президента Молдовы в Москву. Оттуда В. Воронин вернулся со щитом, получив не только кредит на 500 млн долларов (а это намного больше того, что обещано, но – по крайней мере, на момент написания статьи – не выделено Приднестровью), но и, судя по дальнейшему развитию событий, поддержку в преддверии повторных парламентских выборов, назначенных на 29 июля. По крайней мере, информационную, так что посвящённый этой теме сюжет в очередном выпуске “Постскриптума” (18 июля), надо думать, совсем не случайно более всего походил на предвыборный рекламный ролик. Ведь сам-то столь опытный и весьма искушённый в пиарных играх журналист, как А. Пушков, полагаю, ещё не забыл, что в 2005 году поддержать партию Воронина приезжал не кто иной, как президент Румынии Траян Бэсеску. А также – президент Грузии М. Саакашвили и президент Украины В. Ющенко, излюбленные мишени патриотических филиппик г-на Пушкова.

Что ж, новое время – новые песни, и меня, конечно, интересует в данном случае не сам Пушков, а озвученная им позиция Кремля, репутация рупора которой, судя по всему, им вполне заслужена.

Конечно, во всякой игре можно заиграться, и даже проиграться. Однако в том, что прилюдно, то бишь перед лицом всей “международной общественности”, разыгрываемый конфликт Воронина с Бэеску — это спектакль, не столь уж многие сомневаются и в самом Кишинёве. Не все его закулисные механизмы видны, не вполне ясны и не сводимые к единому знаменателю цели. Но, например, экс-президент РМ П. Лучинский, знающий толк в стиле политических интриг этого юго-восточного (если считать от ЕС) или юго-западного (если считать от России) уголка Европы, выразил своё недоумение по поводу той лёгкости, с какой “бунтовщикам” удалось проникнуть в здание парламента, и как своевременно он оказался пуст, совершенно очищен от людей. К слову сказать, безвозмездно выделенные Москвой еще 20 млн долларов пойдут как раз на восстановление этого столь трогательно оплаканного А. Пушковым парламента, хотя к моменту встречи Медведева и Воронина лидер крайнего националистического крыла Юрий Рошка уже был назначен на должность вице-премьера. Что, разумеется, не могло не быть известно и в Кремле, и в МИДе. Как должно было быть известно и то, что именно Ю. Рошка, бессменный лидер прорумынского ХДНФ (ныне — Христианско-демократической народной партии) уже **23 июня 1992 года** выступил с обращением к Президенту и Парламенту РМ, где призывал, среди прочего:

“— закрепить в законодательном порядке факт нахождения Республики Молдова в состоянии войны с Россией;

- объявить всеобщую мобилизацию;
- перевести национальную экономику на военные рельсы;
- аннулировать все подписи, которыми Президент Республики Молдова взял на себя какие-либо обязательства в рамках СНГ;
- обратиться в Организацию Объединённых Наций и в Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе с просьбой взять Республику Молдова под защиту международных органов...” (“Цара”, издание ХДНФ, Кишинёв, июнь 1992 года).

А потому думать, будто Москва столь наивна, чтобы искренне уверовать во внезапное превращение “Савла в Павла”, или полагать, будто президент РМ не ведаёт что творит, нелепо. Наивность в данном случае граничила бы просто с глупостью, а я не столь низкого мнения об умственном уровне руководства РФ. Гораздо ниже я оцениваю его нравственный уровень и неразрывно сопряжённый с нравственностью уровень исторической, равно как и социальной ответственности. Дефицит последней всё более болезненно ощущает на себе население самой РФ. А что до первой, то плоды нежелания (или неспособности?) нынешней России принять её на себя уже в полной мере вкусили люди, в нарушение всех норм международного права и действовавшей на момент распада СССР его Конституции выброшенные за пределы страны, которую сами они не мыслили покидать. Здесь, на берегах Днестра, об этом год за годом и напоминает день 19 августа. Но ни разу за всё протекшее с тех пор время Кишинёв не принёс извинений за свою агрессию, не прозвучали они и на сей раз, хотя, казалось бы, уклониться от этого долга было уже невозможно. Ведь ещё весной 2008 года президент РМ сделал заявление, ставшее, пусть и на короткое время, своего рода политической сенсацией. “Бухарест, — заявил он, выступая в программе телеканала NIT “Президентский час”, — заставил Снегура (тогдашнего президента Молдовы. — К. М.) развязать войну в Приднестровье и войти в Бендеры” (“НГ”, 28 апреля 2008 год). Заставил? И вот настолько независимую страну поспешила признать Российская Федерация?

Правда, президента “немножечко поправил” бывший министр безопасности РМ Анатолий Плугару: “Бухарест влиял на политику Молдавии, финансировал Народный фронт, который добивался выхода страны из СССР и последующего присоединения её к Румынии... Однако о приказах Бухареста войти в Бендеры не слышал, а я, как вы понимаете, о той войне знаю больше других. Такой приказ был отдан в Кишинёве молдавским руководством” (там же).

Что ж, места для уклончивых толкований не остаётся: был ли то Бухарест или Кишинёв, была ли их совместная операция (а о том, что молдавские сол-

даты воевали и румынским оружием, знали тогда не только военные, но и все находившиеся в зоне конфликта журналисты, видела эти “вещдоки” и я) — факт агрессии неоспорим. Однако, повторяю, из Кишинёва извинений не последовало даже после таких признаний. Ну, а Москва, в очередной раз предоставляя руководству Молдовы режим наибольшего благоприятствования, не обусловила им своей благосклонности. Но разве доля ответственности не ложится и на неё? Ведь это она, зная, что руководство признаваемой ею страны абсолютно не контролирует огромную часть официально числящейся за ней территории; что в Кишинёве утверждается режим этнократии и царит атмосфера ненависти ко всем “манкуртам” и “пришельцам”, как любил выражаться президент Мирча Снегур, имея в виду всех, не имеющих чести принадлежать к “титульной нации”, а таковой объявлялись не просто молдаване, но именно молдаване прорумынской ориентации (остальные — “манкурты”); зная и то, наконец (last but not least), что здесь уже пролилась кровь и что руки Снегуру, ещё поздней осенью 1990 года, развязал не кто иной, как первый, он же и последний президент СССР, — это она своим поспешным, ничем не оговорённым признанием открыла дорогу новому кровопролитию.

Ну, а если ею так мало ценится кровь жертв агрессии, то стоит ли удивляться той лёгкости, с какой Кишинёву прощаются бесконечные нарушения подписанных им же договорённостей, отмены уже согласованных встреч и визитов. Им буквально несть числа, а потому в регионе очевидным образом девальвируется само понятие договорённостей, коль скоро они оказываются ничего не стоящими клочками бумаги, за наивное доверие к которым приходится платить слишком дорогой ценой. Как это и случилось в Бендерах, где операция “Троянский конь” началась буквально на следующий день после подписания совместного соглашения о неприменении силы при разрешении конфликта.

Новое столетие перенимает эстафету, и осенью 2003 года президент Воронин отказывается подписать согласованный с РФ “Меморандум о молдавско-приднестровском урегулировании” (так называемый Меморандум, или план Козака). Тогда Приднестровье, идя навстречу России и согласившись на конфедеративное устройство общего с РМ государства, сделал максимум возможного для него уступок. А Кишинёв? Тотчас же после воронинского демарша молдавский парламент принимает закон о статусе иностранных военнослужащих, со знаменательным примечанием, согласно которому положения закона не распространяются на военнослужащих российского миротворческого контингента, базирующегося в Приднестровье. Уже тогда высказывались догадки, что тем самым готовится почва для замены российских миротворцев соответствующим контингентом ООН с целью установления в регионе международного протектората. Как видим, это не слишком далеко от того, что предлагал Ю. Рошка ещё в 1992 году. А во время встречи с Траяном Бэеску, в конце августа 2008 года, то есть сразу после грузинской агрессии в Южной Осетии (которую, между прочим, Кишинёв не осудил), совершившим блиц-визиты в страны ГУАМа, президент Воронин подтвердил, что Молдавия выступает за изменение миротворческого формата и активное привлечение ЕС к разрешению приднестровского конфликта. Вот так, в одном пакете. А как смотрит на подобное развитие событий Россия?

“Во всяком случае, — говорит И. Н. Смирнов, — мы не можем добиться доведения численности российского миротворческого контингента до 3 тысяч, что предусматривалось ранее заключёнными соглашениями”. Всего-то до 3 тысяч! Волей-неволей напрашивается вывод, что Россия, в какой-то пусть и неявной форме, подчинилась неоднократно звучавшим с самых вершин кишинёвских властей требованиям минимизации российского военного присутствия на берегах Днестра. Но ясно ведь, что в таком случае неизбежно “минимизируется”, в перспективе стремясь к нулю, и её роль как гаранта мира в этом регионе. Роль, которую она заслуженно получила в 1992 году, когда, пусть и несколько запоздало, ввела войска в зону военных действий, тем самым хотя бы отчасти искупив свою вину.

Посредники

Как бы то ни было, но, бесконечно закрывая глаза на бесконечные же нарушения Кишинёвом всех достигнутых договорённостей, Россия и сама втягивается в неоправданную игру со своими собственными обязательствами.

А это бросает тень на её репутацию как одного из посредников и гарантов молдово-приднестровского урегулирования. Ещё год назад дипломат Михаил Демурин, в 2000–2005 годах заместитель директора второго европейского департамента МИДа РФ, оценил ситуацию очень резко и даже счёл возможным говорить об утрате Россией инициативы в Приднестровье и в процессе урегулирования. По его мнению, процесс этот начался ещё два года назад (то есть в 2006 году. — К. М.), когда Россия “согласилась “усаживать” приднестровцев с молдаванами за стол переговоров без отказа Кишинёва от введённой им, в нарушение ранее достигнутых договорённостей, экономической блокады Приднестровья. Уважаемый и уважающий себя посредник так себя вести не может и не должен” (“НГ-дипкурьер”, 16 июня 2008 г.).

На мой взгляд, говорить столь определённо об утрате Россией её влияния в регионе ещё преждевременно. Но верно и то, что следить за линией поведения Москвы, а стало быть, и полагаться на её гарантии, становится всё труднее. Потому что поведение это явно тяготеет к тому, чтобы стать столь же безразмерно гибким и не отягощённым никакими обязательствами, что и поведение Кишинёва. Так, например, посетивший Тирасполь в июне 2008 года глава комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками Алексей Островский заявил буквально следующее: “Стремление руководства и населения (!) Приднестровья к признанию независимости Приднестровья — это путь в никуда. Нам непонятно желание видеть Россию в качестве гаранта признания независимости Приднестровья, которое исходит с левого берега Днестра. Ситуация, которая сложилась в Приднестровье, подталкивает Россию в первую очередь к тому, чтобы выходить на достижение каких-либо договорённостей с Молдавией” (“НГ”, 2 июня 2008 г.).

Но неужели российскому парламентариию в таком статусе неизвестно, что ещё 17 сентября 2006 года в ПМР состоялся референдум, на котором народ Приднестровья 97% отданных голосов высказался за независимость своей республики, с перспективой возможной будущей её интеграции с Россией? А ведь по итогам референдума, ещё до проведения объявленного ЕС незаконным, Госдума (то есть законодательная власть РФ) приняла заявление, согласно которому Российская Федерация должна выстраивать свою политику с учётом свободного волеизъявления народа Приднестровья. Теперь, по Островскому, речь идёт всего лишь о “населении”, которое (то ли по бестолковости своей, то ли ведомое коварными пастырями) движется “в никуда”. В чём Россия, конечно же, не намерена ему способствовать, а потому будет договариваться с Молдовой — странный, по правде сказать, способ урегулирования конфликта, в котором всегда участвуют как минимум две стороны. Разумеется, столь внезапное и развязное дезавуирование уже заявленной позиции российского парламента не может не дискредитировать и саму посредническую миссию России, заставляя сомневаться в её ответственности за данное слово.

Не сумела (или не захотела?) Россия и восстановить действие нарушенного Кишинёвом в 2006 году Московского меморандума 1997 года, который был подписан президентами России, Украины, Молдовы, Приднестровья и действовавшим на тот момент вице-председателем ОБСЕ. Именно этот Меморандум гарантировал Приднестровью право самостоятельно устанавливать и поддерживать международные контакты в экономической, научно-технической и экономической сферах, а потому произвольное изменение Кишинёвом согласованных правил больно бьёт по экономике и социальной сфере страны, тем более в условиях нового мирового кризиса. К блокаде — так стало принято именовать введённые Кишинёвом новые правила оформления таможенных деклараций, являющиеся, по сути дела, формой взимания дани с Приднестровья, — присоединилась Украина, и дело доходит до абсурда. “Можете себе представить, — говорит И. Н. Смирнов, — мы почти подготовили к открытию онкологический центр, но Украина не позволяет завезти материалы, необходимые для лучевой терапии, ссылаясь на отсутствие разрешения МАГАТЭ”. Но ясно ведь, что МАГАТЭ имеет вполне чётко прописанные правила на сей счёт, и нарушение их стало возможно лишь в атмосфере грубого произвола, утверждающегося как норма обращения с ПМР. И вот за утверждение подобной нормы Россия, на мой взгляд, несёт ответственность, по крайней мере, такую же, если не большую, нежели Украина, поскольку именно ей как правопреемнице СССР изначально принадлежала подготовленная самой историей роль главного арбитра в этом регионе. Умаление же этой роли произошло по вине

самой РФ, так и не обеспечившей возвращение к условиям Меморандума 1997 года.

– Неужели Россия так мало заинтересована в создании здесь нормальных условий жизнедеятельности? – спрашиваю я министра иностранных дел ПМР Владимира Ястребчака. – Ведь республика, оправившись от последствий 1992 года, развивалась очень динамично, гораздо лучше многих признанных государств на постсоветском пространстве.

– Могу сказать вам, что доля приднестровского экспорта, ориентированного на РФ, после 2006 года уменьшается, а вот доля стран СНГ и Европы растёт. Не мы хотели такой динамики; ведь во всех сферах – политической, экономической, социальной, гуманитарной и военной – мы стремимся быть завязанными на Россию. Нас, однако, удивляет, что порою Москва пассивно встречает наши даже самые скромные предложения, никак не связанные с вопросом о нашем признании. Мы, например, предлагали российскому МИДу проект совместной борьбы с наркотрафиком, это ведь могло бы содействовать улучшению общей социальной ситуации в регионе, но... И потом, финансирование гуманитарных проектов Россией гораздо скуднее того, что нам предлагает ЕС.

– Так что же?

– Мы пока отказались – за исключением здравоохранения, а последнее, я думаю, не обсуждается.

– Почему же отказались?

– Потому что ЕС оговаривает эти проекты такими условиями, которые будут – тонко, изощрённо – подталкивать нас к интеграции с Молдовой.

– Так что же получается? Что Россия и ЕС, действуя с разных сторон и разными методами, в вопросе молдово-приднестровского урегулирования стремятся к одной и той же цели?

– Я сходный вопрос в российском МИДе задавал.

Похоже, Россия и впрямь покуда не отказалась от замысла реинтеграции Приднестровья в Молдову, что, говоря без эвфемизмов, будет означать ликвидацию ПМР. Ну, а о том, что такой замысел ещё не оставлен ею, свидетельствуют и безоглядная поддержка Воронина, который, по возвращении из Москвы, пообещал сразу же после выборов заняться Приднестровьем, и наделавшее много шума осенью прошлого года, когда отмечался печальный юбилей провалившегося плана Козака, заявление первого вице-преьера И. Шувалова о возможном возвращении к некоторым положениям этого плана, и намёки в прессе на какие-то закулисные молдавско-российские переговоры в формате “Приднестровье в обмен на вечный нейтральный статус Молдовы”. Но, во-первых, что бы сейчас ни пообещала и ни подписала Молдова, тянущийся за ней шлейф нарушенных соглашений не позволит воспринять её обещания всерьёз – во всяком случае, людьми, для которых речь идёт о решении их собственной судьбы.

Во-вторых, после провала плана Козака Верховный Совет ПМР отменил некоторые документы, допускавшие возможность создания конфедеративного или федеративного государства с Молдовой. Хорошо, допустим, Москва, подражая в этом ЕС, не намерена считаться с законодательством и Конституцией непризнанной республики. Но ведь и молдавский парламент в 2005 году принял закон, фактически ограничивающий статус Приднестровья автономией и подтверждающий основной конституционный постулат РМ: она – унитарное государство. А не далее как в конце 2008 года, выступая перед международными экспертами, президент Воронин дважды заявил о своей безусловной поддержке этого закона и принципа унитарного устройства РМ. Так что, похоже, поезда ушли с обеих сторон.

– А помните, – говорит И. Н. Смирнов, – с чего всё начиналось? С требований статусом особой экономической зоны для нашего региона.

– И отмены дискриминационного Закона о языке, – припоминаю я. – И предоставления автономии...

За отказ удовлетворить эти, такие скромные, требования всякий раз приходилось платить расширением трещины, в конце концов разделившей две части бывшей союзной республики до полной несовместимости. Добрососедские отношения, конечно, желательны, и они возможны, но только на основе равносубъектности двух реально сложившихся и живущих разной жизнью государств – такова уже неоднократно заявлявшаяся позиция Приднестровья.

– А реинтеграция – она ещё возможна? – задаю я последний вопрос президенту ПМР.

– Нет, невозможна, – отвечает он.

Я прошу его повторить, дабы избежать малейшей неточности. И он повторяет: “Нет, невозможна”.

* * *

Стоит заметить, что к такому же выводу склоняются сегодня и некоторые независимые международные наблюдатели. Мне уже случалось упоминать коллективный труд группы авторов “Международное право и независимость Приднестровья” (г. Бендеры, 2007, перевод с французского), где весьма аргументированно обосновывается право ПМР на признание. А вот что пишет о Приднестровье Брюно Дрвески, доцент Национального института восточных языков и цивилизаций в Париже: “Это государство стало реальностью, которую будет всё труднее отрицать. В час, когда вышеупомянутая политика двойных стандартов “международного сообщества” встречает всё большее противостояние на пяти континентах, Тирасполь уже не столь изолирован, каким он казался прежде. Проблемы Приднестровья не ограничиваются формальным признанием государства, территория которого чуть ли не в два раза больше, чем Люксембург. Тирасполь действительно олицетворяет всемирную проблему “двойных стандартов”, ещё действующих в международных отношениях вопреки уставу Организации Объединённых Наций и требованиям демократического права, которые были лишь чистой проформой и переменной геометрии в зависимости от потребностей могущественных мира сего” (Брюно Дрвески. “Есть жизнь на берегах Днестра, или почему существует Приднестровская Молдавская Республика”. Тирасполь–Бендеры, 2008, с. 72).

Книга Дрвески была подписана к печати 2 февраля 2008 года, то есть незадолго до одностороннего признания странами Запада сербского края Косово, за которым полгода спустя последовало одностороннее признание Россией двух из четырёх непризнанных республик на постсоветском пространстве – Абхазии и Южной Осетии. Две другие, НКР и ПМР, оказались “лишенцами”, хотя юридически они имеют такое же право на признание. А это не могло не усилить крен в сторону двойных стандартов, что особенно резко сказалось в отношении Приднестровья, ситуация которого заметно отличается от ситуации Нагорного Карабаха*. Оно всё ещё глубоко привязано к России, а не просто ориентировано на неё, и, должно заметить, в ходе моих бесед – и не только с представителями власти – я сталкивалась с тем, что мои оценки некоторых аспектов поведения России в отношении республики порою наталкивались на какое-то внутреннее сопротивление собеседников. Что ж, я считала своим долгом высказать эти оценки – ведь речь идёт о поведении **моей** страны. Однако ошибётся тот, кто за такой сдержанностью приднестровцев усмотрит лишь соображения прагматического свойства, небрежно бросит: “Ну, понятно, а на кого же им ещё надеяться...”

Мир подвижен, а международная общественность, на сей раз уже без кавычек, не исчерпывается кругом чиновников из Госдепартамента, ЕС и ОБСЕ. И, возможно, Дрвески отчасти и прав, когда пишет: “Тирасполь... имеет много потенциальных союзников, если только его жители сумеют поднять глаза от руля и увидеть открывающуюся перед ними дорогу”. Возможно также, что именно глубокая, отнюдь не сводимая к прагматике привязанность приднестровцев к России не позволяет им покуда “поднять глаза от руля” и изменить оптику своего восприятия.

Наконец, возможно, и я даже уверена в этом, именно такая, притом с необычной для наших времён горячностью проявляемая привязанность в какой-то мере провоцирует ту небрежность, которую РФ столь часто демонстрирует в отношении Приднестровья. Ведь политику делают люди, а люди, как об этом писал в своё время знаменитый доктор Спок, часто бывают склонны третировать тех, кто им беззаветно предан. И, помнится, в начале 2007 года, когда разразился первый острый, тогда газовый, конфликт между Россией и

* Более подробно я уже рассматривала этот вопрос в статье “И снова август” (“Наш современник”, № 11, 2008 г.).

Белоруссией, А. Г. Лукашенко в своём интервью газете “Завтра” заметил: “У ваших чиновников разговоры: “Лукашенко никуда не денется. Белорусы никуда не денутся”. Нет, денемся. Ведите честную политику в отношении Беларуси, а иначе “денемся” (“Завтра”, февраль 2007 г., № 7). Минуло два с половиной года – и что же? Похоже, “делись”, а оскорбления, которыми по каналам СМИ осыпают Белоруссию штатные государственники, пожалуй, только и могут убедить белорусов в их правоте: правильно мы сделали, что “делись”.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что Приднестровье собирается куда-то “даться” – я не только не заметила признаков этого, но у меня скорее вызвали удивление, а то и недоумение иные проявления его чувств к России. Однако всё имеет свои пределы, а принцип “если любишь меня – терпи”, которым так злоупотребляет в последнее время РФ, не всегда оправдывает себя даже в личных отношениях. Ещё меньше оснований руководствоваться им в отношениях между народами, имеющих иную природу и укоренённых более всего всё-таки в истории, а не в чувственно-эмоциональной сфере. И если процесс размывания роли России в Приднестровье ещё не принял тех масштабов, о которых пишет Демурич, то не в последнюю очередь потому, что истоки его привязанности к России уходят слишком глубоко, туда же, где следует искать и основы её исторической ответственности за живущих здесь людей. Они сплетены неразрывно – и эта привязанность, и эта ответственность, а потому нельзя надеяться сохранить навечно привязанность, сбросив с себя бремя ответственности.

От Невы до Днестра

В конце 1791 года по старому стилю (или в начале 1792-го, по новому) по случаю заключения Ясского мира между Турцией и Россией в городском (или, как пишет В. О. Ключевский, “на городском”) театре в Петербурге с необычайной пышностью был представлен “Олег” – одно из тех сочинений, большой любительницей писать которые была Екатерина II. Сама императрица без ложной скромности именовала их так: “Исторические представления из жизни Рюрика и Олега, подражания Шекспиру”, однако в мировой и даже одной лишь отечественной драматургии сколько-нибудь заметного следа они не оставили.

Но вот событие, ознаменованное постановкой “Олега”, имело масштабы и впрямь шекспировские. А для этого одних лишь территориальных приобретений недостаточно: нужно нечто, что затрагивало бы самые глубокие струны национальной души, предстало знаменательным свершением в народной судьбе. Именно так и было на сей раз: Россия не просто обрела земли между Южным Бугом и Днестром, не просто завершала здесь дело, ещё в 1705 году начатое Петром I, – она завершала строительство нового, обширного края, для которого Екатерина ещё в 1764 году выбрала имя: *Новороссия*.

Так что прав А. А. Скальковский, чиновник по особым поручениям при графе М. С. Воронцове, стоявший у истоков отечественной историографии Новороссийского края и так и оставшийся непревзойдённым его летописцем: “34 года знаменитого правления Екатерины суть 34 лета истории Новороссийского края” (Скальковский А. А. “Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823”. Одесса, 1836–38, ч. 1, с. 60). В 1791 году императрице оставалось ещё 5 лет жизни, но миссия её была выполнена. Конечно, сама она навряд ли согласилась бы с подобной оценкой, скорее всего почитая таковой реализацию своего авантюрного “греческого проекта”. К счастью, он так и остался проектом. А вот с выдвиганием русской границы с Южного Буга на Днестр и Чёрное море, с обретением юго-западного края Россия гармонично довершала то, что было уже достигнуто на западе и о чём Ключевский пишет: “. . . Была воссоединена почти вся Западная Русь, и титулярная формула **всяя Руси** получила значение, соприкасавшееся с действительным” (В. О. Ключевский. “Курс русской истории”, часть V. М., “Мысль”, 1989, с. 56). Но дело ведь, повторяю, не только в территориях, а в определённом смысле – и не столько в них. К тому же ко времени Ясского мира Россия уже владела и Крымом, а Ясский договор лишь подтвердил условия

Ключук–Кайнарджийского мира, равно как и Георгиевского трактата. Словом, к территориальным приобретениям она уже привыкла.

Но именно 1791 год принёс ей нечто большее, нежели территории, со всеми вытекающими из их приобретения стратегическими и хозяйственными выгодами, большее, чем сама по себе победа над могущественным противником, в честном единоборстве с которым получен был и Крым. Ведь навряд ли и самые ожесточённые обличители “русского империализма” сочтут Оттоманскую империю всего лишь безвинной жертвой северного колосса, коль скоро даже Фридрих II, которого, разумеется, никак не могло радовать усиление державы-соперницы, “находил присоединение Крыма к России умеренным условием мира” (там же, с. 44). Так что каяться и посыпать пеплом главу нет никаких оснований. Как, впрочем, не даёт их и отнятие у Польши западнорусских земель, с проживавшим на них и сильно утесняемым русским населением. Однако тень на дело это, могшее стать “праведным”, по выражению одного белорусского игумена, бросил сам факт раздела, сговора с Пруссией, и особенно с Австрией, под властью которой и осталась немалая часть того самого западнорусского населения, которое намеревались освободить и которое само рвалось в Россию. Политический расчёт здесь явно возобладал над праведностью.

А вот о присоединении земель между Южным Бугом и Днестром и впрямь можно говорить как о ничем не замутнённом, одном из тех редчайших в истории деяний, чистота и сокровенный смысл которых намного превосходят нравственные качества, а вернее всего, и замыслы тех, кто оказывается орудием их свершения. Потому что не только Россия, вернув себе юго-западное измерение, обрела всю полноту своей собственной национально-исторической идентичности — такую идентичность вместе с ней восстановили земли, словно бы веками ожидавшие прихода сюда России. Что в полной мере относится и к землям, на которых располагается ныне Приднестровская Молдавская Республика.

* * *

В древности населённые славянами (летописными тиверцами и уличами, а ещё ранее того — антами и склавинами), они позже вошли в состав Киевской Руси, с распадом же этого первого древнерусского государства стали являть собою картину столь причудливую, что рядом с ней меркнут вымыслы многих вошедших в моду фэнтэзи на славянские темы. Обширный, по меркам того времени, и плодородный край, с нечёткими очертаниями, никому не позволяющий надолго овладеть собой, то и дело пересекаемый кочевниками и опустошаемый набегами, он немногочисленными путешественниками и хронистами описывался как безлюдный и неводеланный и получил общее с прилегающими к Южному Бугу землями имя **Дикое поле**.

Однако такова лишь одна сторона жизни Приднестровья в период примерно с XIV по конец XVIII вв., то есть до его возвращения в общерусское государство. Была и другая, что, в сочетании с первой, образует парадоксы, опрокидывающие многие ставшие уже почти аксиомами представления.

Привычным, например, стало считать **прогрессивным** всякое стремление к централизованной государственности, а **реакционным** — строптивое сопротивление ей со стороны всяких там удельных княжеств. Однако в реальной истории, которая описывает петли и делает излучины, по крутизне своей не уступающие изгибам днестровского русла, дело порою обстоит совсем не так хрестоматийно просто, примеры чего как раз и являют территории будущей Новороссии: “...События (конца XIV в. — **К. М.**) на Северной Украине, Киевщине, Подолии и в Приднестровье принято характеризовать как борьбу за централизацию княжеской власти между великим князем литовским Витовтом и местными князьями. В принципе так оно и было. Подольские и приднестровские князья Кориатовичи, витебский князь Свидригайло, волынский Любартович, киевский Владимир Ольгердович и новгород-северский князь Корибут схватились за мечи, защищая прежде всего свои суверенные княжеские права.

И всё же эта борьба между великим и удельными князьями в значительной мере была лишь внешним проявлением событий. Внутренней же их сутью было другое. Борьба между тенденцией к раздробленности и тенденцией

к централизации власти скрывала стремление к древнерусской государственности и национальной независимости. Все эти княжества считали себя русскими землями, население именovalo себя русскими, государственный язык был русский, религия — православная. К тому же сохранялись свои налоги, свой суд, своя финансовая система” (“История Приднестровской Молдавской Республики”. Тирасполь, 2000; т. 1, с. 126–127) (курсив мой. — К. М.).

Спустя полтысячи лет Приднестровье повторило этот же тип “сохранения большого в малом”, сбережения основных черт своей исторической идентичности; а само рождение республики предстаёт при таком панорамном обзоре не случайностью, не следствием заговора кучки “партократов” (последнее вообще приложимо скорее к Молдове, в Приднестровье уместнее уж будет говорить о “технократах”), а проявлением глубокой исторической закономерности. Может быть, это и имеет в виду И. Н. Смирнов, когда говорит: “Мы ничего не просим у России, мы просто с Россией”?

Тогда же, в конце XV века, как раз в эпоху борьбы русских удельных князей с литовским князем Витовтом, встречаются “первые точные сведения о казаках на Подолии и, вероятно, в Приднестровье” (там же, с. 126). Позже казаками (а ещё — рыцарями, как о том сообщает молдавский писатель Богдан Хашдеу) стали называть всех жителей этого края христианского вероисповедания; отличали же их общая постоянная готовность к борьбе, вольнолюбие и самостоятельность, с которой они, подстерегаемые многочисленными опасностями и не имея надёжного сюзерена, дабы воззвать к нему о защите, обустроивали свою жизнь.

И вот — ещё один парадокс: край слыл, и не без оснований, безлюдным и невозделанным (Скальковский даже употребляет выражение “плодоносная пустыня”), однако на пространных Дикого поля были разбросаны селения и даже города, цивилизованный облик которых поражал заезжих чужеземцев. Как, к слову сказать, и сегодня поражает впервые приехавших в Приднестровье гостей, иные из которых только недавно уяснили, где, собственно, оно обретается, ухоженность, подтянутость, собранность протекающей здесь в нелёгких условиях жизни.

А Павел Алеппский, сын антиохийского патриарха Макария, в июне 1654 года попавший в приднестровский город Рашков, так описывал свои впечатления: “Начиная с этого города и по всей земле русских, то есть казаков, мы заметили возбуждающую наше удивление черту: все они, за исключением немногих, даже большинство их жён и дочерей умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы, кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься на улице невеждами” (там же, с. 226).

Отождествление казаков с русскими не совсем точно, если иметь в виду именно этнический состав населения тогдашнего Приднестровья. Ядро его, действительно, составляли малороссы, или украинцы (уже Скальковский употребляет именно этот этноним), и собственно русские, то есть великороссы, среди которых было немало беглых крепостных и старообрядцев, также спасавшихся от гонений. Недостаточно много было и молдаван, в том числе бежавших с правого берега Днестра от турецкого гнёта, а в целом состав населения региона был ещё более пёстрым. Однако цивилизационная матрица, определявшая уклад жизни и душевный склад насельников Дикого поля, независимо от их этнической принадлежности, действительно была русской, сложившейся ещё в древнерусском государстве и сохранённой его “астероидом”.

Именно она и сформировала тот народ, который в 1791 году вошёл в Россию так, как возвращаются в давно покинутый, но не позабытый дом. Добровольно принимая на себя все немалые тяготы устройства и сбережения огромной державы. И это при том, что именно на коренное, “казацкое” население Дикого поля и легло основное бремя государственного тягла, тогда как, в соотвествии с общей политикой Екатерины II, приглашаемое ею из-за рубежа население от многих повинностей освобождалось, как то было и в собственно России. А ведь многовековая жизнь в условиях Дикого поля выработала характер совсем не мягкий и покладистый. Как писал историк П. Н. Батюшков, “... забужане и поднестряне, самый отважный и бойкий народ в Южной Руси, отличались расположением к буйству и неповиновению”. Ну, “буйство” мы сегодня, наверное, заменили бы гумилёвской “пассионарностью”, и не будь её, то и встречать здесь Россию в 1791 году, пожалуй, было бы некому. А что до “склонности к неповиновению” — так ведь способность не подчиняться про-

изволу и несправедливости, безусловно, прекраснейшее свойство души. И приднестровцы, создав свою республику, показали, что оно присуще им так же, как и их предкам. И что основные черты выработанного тогда общего характера оказались усвоены и большей частью более поздних насельников края, откликнувшихся на призыв Екатерины и внесших свою, немалую долю в освоение и обустройство этой части Новороссии. Так, в 1806 году герцогом Ришелье “напротив Бендерской крепости и в 12 верстах от Тирасполя” было основано село Парканы, населённое болгарями. Они были приглашены, с учётом их умения в этом деле, для развития садоводства, чему и поспособствовали немало. Вместе со всеми они в 1990 году сделали выбор в пользу Приднестровской республики, тогда ещё надеясь, что она займёт своё место в СССР. А в июне 1992 года на село Парканы упала бомба, убившая 8 человек и разрушившая 70 домов. Неужели и это тоже не имеет отношения к правопреemptству и сопряжённой с ним ответственности?

Вольнолюбие приднестровцев, если говорить о нём как о психологической доминанте их характера, в общем, никогда не пересекало черту, за которой начинается анархия, что заметно отличает их от запорожцев. И за все 200 лет пребывания этой земли в составе Российской империи, а затем Советского Союза, их “буйство и неповиновение” никогда не были направлены против общего государства. Однако декабрь 1991 года с почти математической точностью подвёл черту под целой эпохой: кольцо времени сомкнулось, и Приднестровье вновь, по утрате опорного для него большого государства, оказалось перед задачей самостоятельного сохранения своей исторической личности.

Куда поведут дороги

В этих новых условиях уже не могла не сказаться сама по себе определённая искусственность включения Бессарабии в состав Новороссии (1812 год), о которой пронизательно писал ещё Скальковский. Однако в Российской империи речь шла всё-таки об отдельной губернии, каковой Бессарабия и оставалась до 1917 года, тогда как территория Приднестровья входила в Херсонскую и Подольскую губернии. Иными словами, различные, с разным по своему душевному складу и истории населением, территории всё-таки не смешивались — даже в рамках единой державы. После 1917 года Новороссия, разделённая между РСФСР и Украиной, вообще прекратила своё существование, а Приднестровье, в конечном счёте, оказалось — причём по соображениям в основном идеологического свойства — соединённым с Бессарабией под одной квазигосударственной крышей. Соединённым, разумеется, без какого-либо учёта народного волеизъявления. Заложенное здесь противоречие, покуда жил Советский Союз, то есть единственно обладавшее международной легитимностью общее государство, пребывало в скрытом, дремлющем состоянии. Однако пробуждённое его расшатыванием, а затем распадом, оно не могло не разорвать искусственную и на поверку оказавшуюся очень хрупкой конструкцию.

Сила взрыва была усугублена этнократическим безумием в Кишинёве, но также (о чём почти не вспоминают) тем, что почти полное незнание истории вопроса, а хуже того — агрессивное нежелание узнать её обнаружили самые разные политические силы. Притом — порою как будто и противостоящие друг другу. “Демократы”, с их историософией, параноидально сосредоточенной вокруг личности Сталина, представшего виновником едва ли не всех бед, пережитых человечеством, вплоть до всемирного потопа, разумеется, не преминули увязать с этой демонической фигурой и решающий вопрос о замене кириллической графики молдавского языка латиницей. Что, разумеется, означало и смену культурно-исторической ориентации. В вопиющем несоответствии хрестоматийно известным фактам (а то, что изначальной графикой молдавского языка была кириллица, является именно таким фактом)*, объявлялось, что чудовищное насилие над молдавской письменностью совершил, разумеется, не кто иной, как Сталин. И если бы это провозглашала только откровенно прорумынская творческая интеллигенция! Но нет — вот и газета

* См., в частности, П. М. Шорников, “Молдавская самобытность”, Тирасполь, 2007.

“Советская Молдавия”* (14 декабря 1988 года) проповедовала, опровергая “беспочвенные утверждения и о том, что “перевод на латинский алфавит потребует миллиардных затрат, огромного материального обеспечения”: “Интересно бы узнать, в 1938 году, когда Сталин фактически “расстрелял” (!) наш язык и латинский алфавит, тоже потребовалось огромное количество средств для перехода на кириллицу?.. Наша письменность также заслуживает реабилитации, как и те миллионы людей, что невинно репрессированы и уничтожены в годы культа личности Сталина”.

Словом, уже тогда можно было понять, что те, кто запускал процесс исторически взвинченной “десталинизации”, подменяя им серьёзное изучение истории советской эпохи, со всеми её сложностями и противоречиями, прекрасно понимали, как далеко он может зайти и что дело не ограничится только Сталиным и только советской историей. Но словно бы не понимая этого, на ту же мельницу лили воду люди и из прямо противоположного лагеря — “православные патриоты”. Например, известный, ныне покойный писатель Дмитрий Балашов так развивал тему на страницах газеты “Завтра” (№ 20 (100), 1993): “В 1917 году Великая Россия, или Святая Русь была завоевана большевиками... Распад государства, произошедший на наших глазах, был облегчён, разумеется, художествами большевистской власти.

Отделялись не от России, а от надоевшего всем номенклатурного и ведомственного самоуправления”.

И ведь писалось это уже после того, как в Кишинёве на площади Победы националистами были разрушены памятные плиты с надписями о битвах русских и молдавских воинов не только с румынскими фашистами, но и за освобождение молдавской земли от турецкого гнёта. После того как поэт Николай Дабиче, перефразируя слова известного церковного и общественного деятеля XVII в. митрополита Сучавского Досифея (“Свет из Москвы идёт к нам, сияя добрым именем под солнцем”), провозгласил: “Тьма идёт с востока”, и, что особенно страшно, **после** бендерской трагедии. Как после Бендер высказался — видимо, стремясь былыми заслугами выпросить для избравшей новую ориентацию Молдовы место в Европе — ведущий литературный еженедельник “Литература ши арта”, настоящий рупор прорумынской и антироссийской молдавской интеллигенции: “Именно наш народ был главным препятствием на пути русской экспансии к Константинополю” (“Трудовой Тирасполь”, 20–24 июля, 1994 г.).

Так кто скажет, что крайности не сходятся? Сходятся, в том числе и в идеологической пристрастности, в жертву которой приносится поиск истины.

А вспомнить об этих “делах давно минувших дней” сегодня тем более уместно, что посткововская ситуация показала, сколь сходным образом и сегодня поиск справедливого решения приднестровского вопроса приносится в жертву тем или иным идеологемам. “Имперцы”, выступившие тогда против предоставления независимости Приднестровью, в надежде использовать его как наживку, заманить блудную Молдову в общий имперский дом, в этом оказались солидарны с Западом — преследующим, конечно, совершенно иные цели. Между тем официальная российская дипломатия, как и позднесоветская номенклатура, совершенно игнорируют живых людей на обоих берегах Днестра, их психологию, их устремления. А ведь за минувшие двадцать лет разрыв между ними стал ещё глубже, и европейская, а в немалой мере прорумынская ориентация в Молдове, особенно среди молодёжи, усилилась в той же степени, в какой осталась неизменной пророссийская ориентация Приднестровья.

Так к чему же может привести упорное стремление соединить уже несоединимое и можно ли ожидать резкого обострения ситуации в регионе?

“Я не слишком верю в полномасштабный конфликт, — говорит министр иностранных дел ПМР В. Ястребчак. — Но можно ожидать различных провокаций, направленных на обострение молдово-приднестровских отношений. Мы к этому готовы”.

В последнем можно не сомневаться: приднестровцы уже не раз продемонстрировали свою способность “держат удар”. Реальная же опасность — если, конечно, исключить большую войну — здесь может придти, по моему глубокому убеждению, только изнутри. Сегодня республика переживает не-

* Думается, излишне напоминать, что означал тогда этот статус.

лёгкие времена не только из-за кризиса и блокады, но также и по причине противоречий, возникших между различными властными уровнями и бизнес-группами. Однако такое случается повсеместно, и в Приднестровье не происходит ничего экстраординарного, ничего такого, что могло бы оправдать внешнее вмешательство, пусть и косвенное, в этот процесс, который республика покуда способна регулировать сама, причём без нарушения действующей Конституции. Поэтому я не сочла возможным комментировать эти события, считая их внутренним делом государства. Реальной же опасностью для него эти противоречия могут стать, коль скоро на них попытаются сыграть внешние силы.

А некоторые признаки такого вмешательства уже налицо, о чём говорят, в частности, слабые (пока!) попытки имитировать “революцию роз”, как это было в июне в Григориополе, а с другой стороны – наезды российских политиков, явно склоняющихся к поддержке одной из сторон конфликта. Неужели крайности опять сходятся?

Результаты подобных игр, конечно, могут оказаться печальными для Приднестровья, однако печальными они могут оказаться и для России. Об этом никто не говорит, и в Приднестровье мне даже повторяли слова одного известного российского политика: “Россия обойдётся без Приднестровья, а вот Приднестровью без России не обойтись”. Я возразила: “Знаете, мироздание ведь складывается из атомов, и если о каждом из них думать вот так, то... И потом, есть понятие микроэлементов – чего-то очень малого, но необходимого для жизни даже очень большого целого”. Вот так и с Россией: конечно, в зримом плане ПМР может потерять гораздо больше, при худшем развитии событий даже утратить (но неизбежно на время) свою государственность. Но она не может утратить свою личность – это уже показала история. Не может утратить себя не в последнюю очередь потому, что предавало не она – предали её.

А вот в плане невещественном ущерб может быть нанесён именно национально-исторической идентичности России, и так уже сильно повреждённой той лёгкостью, с какой были изгнаны из державы не желавшие уходить из неё.

Зримым же образом этот ущерб сегодня являет ставший **супербрендом** новой российской государственности образ Екатерины II. Оторванный от тех деяний, которые одни только и оправдывали наречение её царствования великим, он обретает фарсовые черты, превращается в муляж, утрачивает ту силу живой истории, о которой всё ещё напоминает памятник ей на центральной площади в Тирасполе – как раз напротив конной статуи Суворова, основателя города-крепости на Днестре. Сила эта не вещественна, но там, где обрывается связь с ней, энергию жизни утрачивает и сама идея правопреемства.